Д. Д. Тумаркин

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ М. Н. ВАСИЛЬЕВА — ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ *

В июле 1819 г. из Кронштадта в кругосветное плавание вышла экспедиция, руководимая капитан-лейтенантом М. Н. Васильевым. Шлюпом «Открытие» командовал сам Васильев, а шлюпом «Благонамеренный» — капитан-лейтенант Г. С. Шишмарев. Главной целью экспедиции было отыскание морского пути из Тихого в Атлантический океан севернее американского континента или материка Евразии. Эта цель, в то время невыполнимая, не была достигнута. Но экспедиция Васильева внесла свой вклад в решение данной проблемы. Дважды проникнув в Северный Ледовитый океан, она описала значительный участок арктического побережья Америки, изучила условия плавания в этих широтах, собрала сведения о местном населении, а в Беринговом море открыла о. Нунивак, нанесла на карту некоторые другие острова или уточнила их местоположение, уделила серьезное внимание этнографическим наблюдениям. Находясь в Тихом океане, экспедиция посетила также Порт Джексон (Сидней), Калифорнию, Камчатку, основные поселения Русской Америки. В апреле 1820 г. Васильев и его спутники обнаружили группу коралловых островов, которые назвали островами Благонамеренного, и оставили их краткое описание[1]. В марте-апреле и декабре 1821 г. корабли экспедиции заходили на Сандвичевы (Гавайские) острова[2].

По возвращении «Открытия» и «Благонамеренного» в Кронштадт (август 1822 г.) в русских газетах и журналах появились сообщения, высоко оценивающие как научные результаты экспедиции, так и мореходное искусство и мужество ее участников. Поэт В. И. Хвостов воспел это кругосветное плавание в поэме. Однако отчет об экспедиции Васильева не был опубликован, и долгое время считалось, что ее подробного описания не существует.

Дело в том, что Васильев по возвращении в Россию не получил длительного отпуска для написания труда о возглавлявшейся им экспедиции, а был вскоре назначен на командную должность в Кронштадт. В одном из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве военно-морского флота СССР в Ленинграде (ЦГАВМФ), прямо говорится, что «Васильев... отозвался неимением времени для описания сего достопамятного путешествия»[3]. Тогда за этот труд взялся А. П. Лазарев (брат известного мореплавателя, исследователя Антарктиды), участвовавший в плавании в качестве лейтенанта на шлюпе «Благонамеренный».

В 1830 г. Лазарев закончил описание экспедиции и представил свое сочинение начальству. Но Ученый комитет Морского штаба отказался

---

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на XV Тихоокеанском научном конгрессе в Новой Зеландии (Данидин, февраль 1983 г.).

[1] Это был очевидно, атолл Нукуфетау, открытый, как выяснилось позднее, английским капитаном А. Де Пейстером в 1819 г.

[2] Оба корабля вначале подошли к западному побережью о. Гавайи, где ранее находилась резиденция короля. Но, узнав, что она недавно перенесена в Гонолулу (южное побережье о. Оаху), экспедиция отправилась туда. Во время обоих заходов русские корабли стояли в Гонолулу, обладающем прекрасной гаванью.

[3] ЦГАВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 644, л. 5.

одобрить полученную рукопись, видимо, все еще надеясь на то, что такое описание в соответствии с традицией будет подготовлено начальником экспедиции. В результате труд Лазарева пролежал .14 лет без движения, а затем был взят обратно автором[4].

Почти одновременно с рукописью Лазарева в Ученый комитет Морского штаба поступили записки о той же экспедиции от бывшего мичмана (с 1820 г.— лейтенанта) «Благонамеренного» К. К. Гиллесема. Комитет уклонился от одобрения и этой рукописи, и в 1831 г. она была возвращена автору[5]. Лишь в 1849 г., через два года после смерти Васильева, сокращенный вариант зацисок Гиллесема был опубликован в одном из петербургских журналов[6].

В 1852 г. в журнале, издававшемся Морским министерством, появились «Сведения о чукчах» командира «Благонамеренного» Г. С. Шишмарева[7]. Эти материалы, собранные им в 1821 г. во время плавания в Беринговом море, были опубликованы посмертно (Шишмарев умер в 1835 г. в чине контр-адмирала). В редакционном предисловии сообщалось, что они «заимствованы нами из записок Г. Шишмарева»[8].

Новый этап в выявлении и публикации материалов экспедиции Васильева начался только после Второй мировой войны. В 1948 г. в Смоленском областном архиве была обнаружена неизвестно как попавшая туда упомянутая выше рукопись Лазарева. В 1950 г. она была издана отдельной книгой[9]. В отличие от Гиллесема, осветившего в журнальной публикации лишь часть плавания на «Благонамеренном», Лазарев, опираясь на собственный дневник, составил систематическое описание экспедиции с самого ее начала до возвращения в Кронштадт. В его «Записках» приводится много интересных данных по географии и морскому делу, рассказывается о посещенных местностях и встречах с их обитателями, но, к сожалению, содержится сравнительно мало этнографических наблюдений (исключение составляет довольно подробное описание культуры и быта оленных чукчей).

В качестве приложений к упомянутой рукописи опубликован ряд архивных материалов, освещающих подготовку плавания и частично дополняющих «Записки» Лазарева. Но и после этой публикации в фондах ЦГАВМФ оставалось немало документов экспедиции Васильева, все еще не известных исследователям, в том числе и такие, которые представляют значительный интерес для историков и этнографов. О некоторых из них автор этих строк рассказал в небольшой статье, опубликованной в 1960 г.[10].

Прежде всего выяснилось, что Васильев провел большую подготовительную работу, предполагая, очевидно, написать отчет об экспедиции. Эта работа отражена в его объемистых черновых записках, занимающих несколько тетрадей большого формата. Судя по всему, записи делались, что называется, по горячим следам — во время плавания или вскоре по

---

[4] ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 29—49.

[5] ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 9—28; ф. 205, оп. 1, д. 258, л. 1—17.

[6] *Гилльсен К.* Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» для исследования берегов Азии и Америки за Беринговым проливом с 1819 по 1822 г.— Отечественные записки, 1849, № 10—12 (О Гавайских островах — № 12, с. 215—225). В деле о рассмотрении указанной рукописи в Ученом комитете Морского штаба сохранилось подробное оглавление ее первой части (ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 32). Ознакомление с этим документом показывает, что в журнальной публикации отсутствуют главы и части глав, имевшиеся в рукописи. В архивных документах и публикациях встречаются разные написания фамилии этого офицера — Гиллесем, Гилльсен, Геллесем (далее цит. как *Гиллесем).*

[7] *Шишмарев Г.* Сведения о чукчах.— Записки Гидрографического департамента, ч. X. Спб., 1852, с. 178—200.

[8] Там же, с. 179.

[9] *Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями А. И. Соловьева. М.: Географгиз, 1950. Текст опубликован с незначительными сокращениями, оговоренными редактором (далее цит. как *Лазарев).*

[10] *Тумаркин Д. Д.* Новые архивные материалы о гавайцах.— Сов. этнография, 1960, №2, с. 158—160.

его окончании. Это заметки о ходе экспедиции, очерковые описания ряда местностей, включая Камчатку, Калифорнию и Алеутские острова, справки по заинтересовавшим его вопросам (например, о китобойном промысле на Тихом океане). Один из наиболее подробных разделов его записок озаглавлен «Сандвичевы острова»[11]. Как по обилию этнографических деталей, так и особенно по уровню обобщений этот раздел превосходит соответствующие части публикаций Гиллесема и Лазарева.

Для сбора материалов о природе, населении и истории Гавайских островов Васильев составил подробный вопросник и поручил его заполнение одному из офицеров шлюпа «Открытие» лейтенанту Р. П. Бойлю. Выполняя это поручение, Бойль расспрашивал через переводчика (англичанина Дж. Бекли, исполнявшего, по его словам, обязанности капитана порта в Гонолулу) гавайских вождей и других островитян, беседовал с иностранными поселенцами. Он не только ответил на поставленные вопросы, но и составил записку по этой проблематике[12]. Материалы, собранные Бойлем, были использованы Васильевым при написании раздела его записей, посвященного Гавайским островам. Однако сопоставление этих рукописей показывает, что начальник экспедиции располагал и другими данными, полученными в ходе собственных бесед и непосредственных наблюдений.

Стремясь глубже изучить различные стороны жизни гавайцев, Васильев поручил офицерам своего шлюпа составить русско-гавайский словарь. В этой рукописи, также хранящейся в ЦГАВМФ, содержится перевод около 800 слов и речевых оборотов, дается краткая справка о фонетике местного языка и ее специфике на отдельных островах архипелага[13]. В том же архивном фонде автор этих строк обнаружил два письма американского миссионера Х. Бингхема, адресованных Васильеву и датированных 15 апреля и 30 декабря 1821 г.[14].

Однако история выявления материалов кругосветной экспедиции Васильева на этом не закончилась. В 1968 г. в журнале, издаваемом Географическим обществом СССР, появилось сообщение о находке путевого дневника еще одного участника плавания — мичмана «Благонамеренного» Н. Д. Шишмарева (племянника командира этого шлюпа)[15] В. В. Кузнецова, обнаружившая дневник, привлекла внимание читателей к значению этой рукописи для изучения действий экспедиции Васильева в северных широтах[16]. Однако дневник Шишмарева представляет не меньший интерес и для специалистов по истории и этнографии Гавайских островов.

Ознакомление с дневником показывает, что это писарская копия, по-видимому, подготовлявшаяся к печати. В примечании, помещенном на первой странице, сообщается, что рукопись «была доставлена в редакцию С. В. Максимову»[17]. С. В. Максимов (1831—1901) —известный русский этнограф и публицист, который с середины 50-х годов прошлого века на протяжении нескольких десятилетий активно сотрудничал в журнале «Морской сборник», выпускавшемся Морским министерством, и некоторых других периодических изданиях. Отсюда можно заключить, что дневник Н. Д. Шишмарева был предложен к публикации уже после смерти автора, скончавшегося в 1843 г. В рукописи встречаются сокращения и другая редакторская правка, сделанные карандашом. Однако этит дневник, к сожалению, так и не был напечатан.

---

[11] ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 104, л. 16—70 (далее цит. как *Васильев).*

[12] ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 113, л. 1—16 (далее цит. как *Бойль).* В архивной описи эта рукопись отнесена к числу сочинений «неустановленных авторов». Путем анализа содержания записки и сопоставления ее. с "другими материалами мне удалось установить ее авторство.

[13] ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 44, л. 1—17.

[14] ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 116, л. 2—6.

[15] Журнал 1819, 1820, 1821 и 1822 годов на шлюпе «Благонамеренном».—ЦГАВМФ,, ф. 203, оп. 1, д. 7306, л. 1 -264 (далее цит. как *Шишмарев).*

[16] *Кузнецова В. В.* Новые документы о русской экспедиции к Северному полюсу.— Изв. ВГО, 1968, № 3, с. 237—245.

[17] *Шишмарев,* л. 1.

Шишмарев вел «журнал» день за днем, излагая важнейшие события экспедиции от своего назначения на шлюп в мае 1819 г. до возвращения в Кронштадт. Молодой моряк, впервые отправившийся в дальний вояж, обстоятельно и вместе с тем очень живо и непосредственно описывал все увиденное. Его дневник в ряде случаев существенно дополняет труды других участников экспедиции.

Материалы об этом плавании удалось обнаружить и в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОРГПБ). Здесь хранятся, например, части двух списков упомянутого выше сочинения Лазарева, позволяющие проследить авторскую работу над текстом. Одна рукопись представляет собой фрагмент писарской копии его путевого дневника (июль — ноябрь 1820 г.), другая — часть промежуточного варианта его «Записок» (октябрь 1820 г.— май 1822 г.) с обильной правкой[18]. Сравнение показывает, что в окончательный вариант не попали некоторые детали, касающиеся морского дела, и в то же время были добавлены немногочисленные общие рассуждения и отдельные фактические детали; текст подвергся также значительной литературной правке. Там же находится составленный Лазаревым «Словарь с российского языка на сандвической»[19], который охватывает более 700 слов и словосочетаний и отчасти дополняет аналогичный словарь, подготовленный офицерами «Открытия».

Работу по выявлению трудов Васильева и его спутников и теперь нельзя считать законченной. Так, до сих пор не удалось обнаружить рукописи записок К. К. Гиллесема и Г. С. Шишмарева. Не исключено, что дневники вели и некоторые другие участники экспедиции. Следует также учитывать, что на борту «Благонамеренного» находился талантливый живописец Е. М. Корнеев, который, по его собственным словам, выполнил в ходе экспедиции около 300 рисунков[20]. Как видно из дневника Н. Д. Шишмарева, этот художник написал несколько акварелей во время пребывания на Гавайских островах[21]. Вернувшись в Россию, он намеревался издать художественный альбом с гравюрами, рассказывающими о кругосветном плавании. Однако морской министр воспрепятствовал этой публикации, заявив, что гравюры должны быть напечатаны вместе с описанием экспедиции Васильева[22]. Когда Лазарев в 1830 г. представил свои «Записки» на рассмотрение Ученого комитета Морского штаба, к ним был приложен 171 рисунок, выполненный Корнеевым[23]. Дальнейшая судьба этой коллекции, несомненно, имеющей большую познавательную и художественную ценность, остается пока неизвестной. Но поиски материалов экспедиции Васильева продолжаются, и возможны новые находки.

Васильев и его спутники дважды посетили Гавайские острова в 1821 г., т. е. в переломный период истории этого архипелага.

В мае 1819 г, умер Камеамеа I, основатель единого гавайского государства. В годы его правления еще продолжали развиваться отдельные самобытные черты местной культуры, произошло объединение архипелага, утвердился общественный строй с феодальными чертами, на смену управлению вождей пришла королевская власть, но знакомство с западной цивилизацией принесло островитянам наряду с. техническими инновациями серьезные социальные бедствия. Под руководством Камеамеа I гавайский народ успешно сдерживал натиск чужеземцев *(хаоле)*. Однако уже тогда появились симптомы, позволявшие предвидеть исход этой неравной борьбы[24]. После смерти Камеамеа I процесс раз-

---

[18] ОРГПБ, F. XVII.106.11, л. 213—257; ф. И. Т. Помяловского, № 72, л. 1—140.

[19] ОРГПБ, F. XVII. 106.11, л. 16—34.

[20] *Гончарова Н. Н.* Художник кругосветной экспедиции 1819—1822 гг. Е. Корнеев.—Изв. ВГО, 1973, № 1, с. 70.

[21] *Шишмарев,* л. 117об.— 118.

[22] *Гончарова Н. Н.* Указ. раб., с. 71.

[23] ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 44, л. 32.

[24] См. *Kuykendall R. S.* The Hawaiian Kingdom, 1778—1854. Foundation and Transformation. Honolulu, 1938, ch. 2—3; *Ту Маркин Д. Д.* Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М.: Наука, 1964, гл. 2—5; *его же.* Материалы первой русской кругосвет-

рушения гавайской культуры и подчинения островитян иностранным пришельцам, насаждающим собственную культуру, быстро двинулся вперед.

В ноябре 1819 г. Лиолио (Камеамеа II), унаследовавший имя, власть, но не таланты своего отца, провозгласил ниспровержение старой гавайской религии[25]. В апреле 1820 г. на острове высадились первые американские миссионеры. Тогда же этот архипелаг начал превращаться в главную базу американских китобоев на Тихом океане. Миссионеры и китобои играли решающую роль в процессе «американизации» архипелага на протяжении нескольких последующих десятилетий. Но в первые годы после смерти Камеамеа I, когда эти группы хаоле еще только начинали свою деятельность на Гавайях, особенно глубокое воздействие на все стороны жизни местного населения оказывала «сандаловая лихорадка» — массовый вывоз с островов сандалового дерева.

В дневниках и записях участников экспедиции Васильева ярко и разносторонне запечатлена обстановка, существовавшая тогда на Гавайских островах, и в этом главная ценность их трудов для историков и этнографов. Но в этих источниках содержится также немало интересных данных о самобытной культуре гавайцев и сдвигах в различных ее компонентах под влиянием контактов островитян с носителями западной цивилизации.

Наиболее подробно описаны Васильевым и его спутниками материальная культура и хозяйственные занятия местного населения. В этом отношении их дневники и записи, пожалуй, превосходят труды Ю. Ф. Лисянского и других русских путешественников, посетивших архипелаг в начале XIX в.[26]. Так, участники экспедиции сообщают интересные сведения о земледелии — одной из основных отраслей гавайской экономики. Они рассказывают о традиционных сельскохозяйственных культурах, уделяя особое внимание методам выращивания таро, характеризуют другие продовольственные ресурсы архипелага (домашние животные, рыба, съедобные водоросли и т. д.)[27]. Шишмарев подобно Лисянскому предсказал большое будущее сахарному тростнику[28]. Сообщая о местных приемах приготовления пищи, русские моряки подробно описали устройство земляной печи *(ума),* процесс выработки ритуального опьяняющего напитка кава *(ава)*[29].

«Сандвичане.— подчеркивал Шишмарев,— имеют большую способность и хороший вкус к рукоделиям»[30]. В трудах участников экспедиции рассказывается о способах изготовления циновок, дается характеристика лодок гавайцев, их оружия, рыболовных принадлежностей, посуды и другой домашней утвари[31]. Почти все участники экспедиции, писавшие о гавайцах, отмечали высокие художественные достоинства тапы *(капа)* и описывали методы ее выделки[52]. Характерно, что Васильев и Бойль стремились всякий раз точно определить материал, из которого сделан тот или иной предмет, причем стремились узнать его местное название.

ной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов.— Сов. этнография, 1978, № 5, с. 71—84.

[25] О предпосылках и причинах этой «культурной революции» см., например, *Kuykendall R. S.* Op. ell, p. 65—70; *ТуМаркин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820—1865. М.: Наука, 1971, с. 83—87; *Sahlins M.* Historical Metaphors and Mythical Realities. Structure in the Early History of the Sandwich Islands Kingdom. Ann Arbor, 1981, p. 33—66. В книге Салинса приведена обширная литература по этой проблеме.

[26] *Тумаркин Д. Д.* Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 72—74.

[27] *Васильев,* л. 28—30, 32, 50; *Бойль,* л. 13об.; *Шишмарев,* л. 120—121об.

[28] *Шишмарев,* л. 121 об.

[29] *Васильев,* л. 28об.— 29, 32; *Шишмарев,* л. 119об.— 120; *Лазарев,* с. 268; *Гиллесем,* с. 219.

[30] *Шишмарев,* л. 121 об.

[31] *Васильев,* л. 31 об., *Бойль,* л. 13, 15; *Шишмарев,* л. 106, 120об., 188.

[32] *Васильев,* л, ЗОоб.— 31; *Бойль,* л. 14; *Шишмарев,* л. 121об -122,- *Гиллесем,* с. 222.

Васильев, Шишмарев и Гиллесем оставили подробное описание традиционного гавайского жилища, состоявшего по ритуальным соображениям из нескольких построек. По их наблюдениям, дома вождей *(алии)* и самого короля отличались от жилищ общинников *(макааинана)* в основном лишь своими размерами, наличием фундамента из коралловых плит и внутренним убранством[33]. Однако, как сообщает Шишмарев, некоторые вожди по примеру хаоле, поселившихся в таких же «шалашах», стали делать в своих жилищах «перегородки, отделяя спальню от приемной, и имеют кровати, но никогда не случалось видеть, чтобы они лежали на них»[34]. В марте 1821 г. лишь Кааумануу — любимая жена Камеамеа I, соправительница *(куина нуи)* Лиолио— жила в двухэтажном деревянном доме, построенном для нее американским торговцем; в конце 1821 г. такой же дом был сооружен для Лиолио[35].

Все участники экспедиции, писавшие о гавайцах, обращали внимание на их одежду, прически и украшения. Эти наблюдения касаютсй как традиционной повседневной одежды (женской юбочки *пау,* мужской набедренной повязки *мало* и накидки *кихеи,* изготовляемых из тапы), так и церемониального одеяния вождей — плащей и шлемов из красных, золотистых и черных птичьих перьев[36]. По сведениям, полученным Васильевым и Шишмаревым, изготовление этих драгоценных плащей и шлемрв фактически прекратилось; вместо них король и другие верховные вожди при встречах с хаоле надевали европейскую одежду, а в особо торжественных случаях (например, при посещении иностранных военных судов)—раззолоченные «генеральские» и «адмиральские» мундиры, которыми снабдили их за высокую плату предприимчивые американские торговцы[37]. Менее знатные алии и макааинана обычно ходили в традиционной одежде, к которой добавляли иногда отдельные части европейского костюма[38]. Впрочем, и Для Лиолио и других верховных вождей европейская одежда оставалась чем-то чуждым, и по возвращении домой после встреч с иностранцами они с удовольствием сменяли ее на легкие традиционные одеяния[39].

Примерно то же самое можно сказать о европейских кушаньях, которые подавались во время официальных приемов. Васильев утверждает, **что** король и другие правители «приезжали к нам запросто обедать, нравились им наши щи, любят также пирожное»[40]. Однако Гиллесем и Шишмарев уточняют, что заморские деликатесы гости заедали «своим любезным таро, привезенным ими с собой», что Лиолио «даже не умел сидеть на стуле и никогда не употреблял ложки, ножа и вилки»[41].

Участники экспедиции в целом правильно охарактеризовали общественный строй гавайцев в конпе XVIII — начале XIX в., сообщив о наличии на островах раннеклассового общества с двумя основными социальными группировками (алии и макааинана) и об иерархии среди самих вождей[42]. В рукописях Васильева и Бойля довольно подробно описаны существовавшие в тот период поземельные отношения и вытекающая из них система многоступенчатой зависимости — от макааинана до веоховных вождей. Значительный интерес, в частности, представляют приводимые данные о регулировавшихся обычаем повинностях в пользу алии в форме натуральных поставок и отработок, которые макааинана несли до появления чужеземцев. Сообщается и о различных «королевских по-

---

[33] *Васильев,* л. 23—24; *Шишмарев,* л. 111, 118об.— 119; *Гиллесем,* с. 218.
[34] *Шишмарев,* л. 119.
[35] *Гиллесем,* с. 218, 221; *Шишмарев,* л. 119об.
[36] См., например: *Васильев,* л. 31—32 об.; *Бойль,* л. 7об.— 8, 13об.—-14; *Шишмарев^* л. 108об., 117—118.
[37] *Васильев,* л. 35об.; *Шишмарев,* л. 108, Шоб., 112 об., 193—194; *Лазарев,* с. 256, 259—260; *Гиллесем,* с. 222—224.
[38] *Васильев,* л. 33; *Шишмарев,* л. 108об., 112об.; *Лазарев,* с. 256; *Гиллесем,* с. 224.
[39] *Васильев,* л. 33об.; *Гиллесем,* с. 222.
[40] *Васильев,* л. 54.
[41] *Гиллесем,* с. 222—223; *Шишмарев,* л. 120об.
[42] *Васильев,* л. 34об.— 35; *Бойль,* л. 2об.—3об., 9; *Шишмарев,* л. 114об.; *Гиллесем,* с. 221.

'борах», которые увеличивались к становились все более разнообразными по мере развития товарообмена с хаоле[43]. При сопоставлении с другими источниками эти материалы позволяют глубже понять социальную организацию гавайцев накануне открытия архипелага Дж. Куком и ее эволюцию в начальный период контактов с иностранцами.

Васильев и его спутники не смогли собрать сколько-нибудь подробных данных о старой гавайской религии, хотя в их дневниках и записках и встречаются упоминания о различных видах табу *(капу)* и статуях богов[44]. Однако Бойлю удалось записать интересную информацию о религиозных обрядах и церемониях, устраивавшихся во время праздника плодородия *макахики,* причем он в отличие от Лисянского, оставившего подробное описание этого праздника, сумел выявить его основную социальную функцию: во время макахики происходил сбор податей в пользу верховного вождя, считавшегося в мирные дни воплощением бога Лоно[45].

Внимания специалистов заслуживают также собранные Бойлем сведения о брачных обычаях гавайцев и подробное описание им комплекса обрядов, производившихся при похоронах вождя. Бойль отмечает, что эти обряды в основном соблюдались и в 1821 г., прекратились лишь человеческие жертвоприношения[46].

В трудах участников экспедиции Васильева содержатся, некоторые сведения об обстоятельствах, при которых произошло ниспровержение старой религии и было подавлено восстание ее приверженцев во главе с Кекуаокалани — племянником Камеамеа I, хранителем священного изображения бога войны. По словам Лазарева, этот ревнитель веры предков «был поддерживаем, кроме жрецов, большей частью народа»[47]. Но зато, как подчеркивают русские мореплаватели, королю-святотатцу помогали иностранцы и его войско было хорошо вооружено, тогда как у восставших почти не было огнестрельного оружия[48].

Лазарев и Шишмарев полагали, что в результате отмены системы табу, разрушения святилищ *(хеиау)* и сожжения стоявших там статуй богов гавайцы «остались совершенно без всякой религии»[49]. Но, как сообщают английские миссионеры Д. Тайермен и Дж. Беннет, посетившие архипелаг в 1822 г., старые верования отнюдь не были искоренены[50]. «Даже среди тех, кто внешне признал новый порядок,— писал, обобщая многочисленные сообщения очевидцев, Р. С. Кикендолл,— было много таких, которые тайно сохраняли верность своим богам. Старые боги Гавайев имели приверженцев долгое время после 1819 г. ...многим идолам, тайно сохраняемым, столь же тайно поклонялись»[51].

О скоропалительности вывода Лазарева и Шишмарева свидетельствуют и некоторые материалы экспедиции Васильева. Как видно из этих материалов, даже Лиолио и его ближайшее окружение, сыгравшие ведущую роль в официальном ниспровержении «идолопоклонства», во многом оставались еще (возможно, подсознательно) во власти старых верований. Помимо упомянутого выше сохранения традиционных похоронных обрядов, об этом свидетельствовал глубоко укоренившийся страх перед вредоносной магией. По гавайским поверьям, человека можно было колдовством обречь на смерть, если овладеть его мокротой или

---

[43] *Бойль,* л. 2об.— 3; *Васильев,* л. 35—36; *Шишмарев,* л. 116; *Гиллесем,* с. 223; *Лазарев,* с. 337.

[44] *Бойль,* л. 4—4об., 9; *Шишмарев,* л. 116, 120; *Лазарев,* с. 272.

[45] *Бойль,* л. 9—9об.; *ТуМаркин Д. Д.* Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 76—77.

[46] *Бойль,* л. 8—9, 12об. См. также *Васильев,* л. 32об.— 33.

[47] *Лазарев,* с. 272.

[48] *Васильев,* л. 49об., 60; *Бойль,* л. 5об.; *Лазарев,* с. 272—273. По сообщению Васильева и Бойля, перевес Лиолио окончательно определился после того, как капитан американского судна «Араб» в решающий момент продал королю 800 ружей.

[49] *Лазарев,* с. 273; *Шишмарев,* л. 11 Боб.

[50] *Tyerman D., Bennet G.* Journal of Voyages and Travels, v. I. L., 1831, p. 370—372, 382, 485—486.

[51] *Kuykendall R. S.* Op. cit., p. 69.

слюной. Поэтому Лиолио и других вождей повсюду безотлучно сопровождали доверенные прислужники с маленькими, тщательно закрываемыми коробочками «для сморканья и плевания»[52].

Дж. Ванкувер и А. Шамиссо обнаружили на Гавайских островах зачатки театральных представлений. «Сии торжественные игры овагийцев (гавайцев.— *Д. Т.),*— писал Шамиссо, посетивший архипелаг в 1816—1817 гг. в составе русской кругосветной экспедиции О. Е. Коцебу,— приводят нам на память хоры греков и их трагедии, существовавшие прежде введения в оные разговоров»[53]. Васильев и Шишмарев подробно описали эти синкретические представления, во время которых хор излагал какую-нибудь легенду или вспоминал действительно происшедшее событие, а другие участники в танце *(хула)* изображали рассказываемое. Во время первого пребывания экспедиции в Гонолулу такие «игралища» устраивались ежедневно при восходе и заходе солнца возле королевского «дворца», а иногда и в крепости. В них участвовали до 150 женщин и 30 мужчин из «знатных семейств». В отличие от Ванкувера и Шамиссо русские моряки упоминают о наличии в хоре «запевалы», т. е. солиста[54].

О том, что такие представления и после официального ниспровержения старой религии в какой-то мере сохраняли ритуальный характер, свидетельствует интересное наблюдение Шишмарева. Он сообщает, что по окончании «игралищ» танцоры бросали украшавшие их венки, а иногда и прикрывавшие их наготу куски тапы внутрь небольшой загородки, где стояли «два столбика»[55]. Не символизировали ли эти «столбики» запретные статуи богов? «Нам рассказывали,— пишет Васильев,— что в песнях и плясках своих они просят верховное существо, чтобы дало им во всем изобилие, сохранило бы их владетеля, избавило бы от несчастий и всех зол»[56].

Природные красоты окрестностей Гонолулу и всей южной части о. Оаху, имеющей, по словам Гиллесема, «лучший климат на земном шаре»[57], красочные «игралища» вождей, официальные визиты и приемы, пирушки, устраиваемые американскими капитанами и торговцами в честь русских моряков,— все это не заслонило от участников экспедиции Васильева сэфовые реальности повседневной жизни гавайцев, на которую глубокий и зловещий отпечаток наложила «сандаловая лихорадка»[58].

В дневниках и записках участников экспедиции содержится немало сведений о вывозе гавайского сандала *(илиаи),* фактически монополизированном американцами, об организации этой торговли и ее связи с пушным торгом на Тихом океане. Сообщается о ценах, по которым «бостонцы» приобретали илиаи на Гавайских островах и продавали его в Кантоне. Впрочем, как подчеркивали русские моряки, эта разница в ценах еще не позволяла правильно судить о прибылях американских фирм, так как «бостонцы» расплачивались с гавайской знатью за сандал не деньгами, а различными товарами, за которые назначали непомерно высокие цены[59].

Чтобы побудить короля и верховных вождей, которым Лиолио разрешил участвовать в торговле сандалом, в больших количествах прода-

---

[52] *Васильев,* л. 41об.; *Шишмарев,* л. 111; *Лазарев,* с. 256.

[53] *Шамиссо А.* Наблюдения естествоиспытателя экспедиции.— В кн.: *Коцебу О. Е.* Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах. Т. III, Спб., 1823, с. 311—312.

[54] *Васильев,* л. 54—55об.; *Шишмарев,* л. 109об.— ПО. См. также *Лазарев,* с. 270; *Гиллесем, с.* 224.

[55] *Шишмарев,* л. ПО.

[56] *Васильев,* л. 55об.

[57] *Гиллесем,* с. 225.

[58] О причинах «сандаловой лихорадки», см.: *Bradley H. W.* The American Frontier in Hawaii. The Pioneers, 1789—1843. Berkeley, 1942, p. 60—61; *Тумаркин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы, с. 32—34.

[59] *Васильев,* л. 21 об.— 22об., 24об.—25, 36, 67; *Бойль,* л. 3об.—4; *Шишмарев, ж.* 121; *Лазарев,* с. 258; *Гиллесем,* с. 223.

вать это благоуханное дерево, американцы стремились привозить на острова побольше «новинок», способных поразить воображение гавайских алии, — «престижную» одежду, ткани и украшения, всевозможную галантерею, за которыми последовали фарфоровые сервизы, хрусталь, китайские шелка, сборные дома и т. д. Важной статьей ввоза были также ром и другие спиртные напитки[60].

Гавайская знать была ослеплена открывшейся перед нею возможностью обогащения, которое в соответствии с традиционными верованиями, по-видимому, представлялось ей приобщением к сверхъестественной силе *(мана)* чужеземцев[61]. Торговцы умело разжигали эту страсть к приобретательству и незаметно придавали ей нужное им направление. Они внушали гавайским алии, что те должны стараться во всем походить на «белых джентльменов», и ловко сбывали им товары, в которых, как подчеркивал Васильев, эти вожди «по справедливости не имеют никакой надобности»[62].

Особенно выгодным делом была продажа королю и верховным вождям старых морских судов, за каждое из которых торговцы-янки получали большой груз драгоценного илиаи. Если Камеамеа I обычно поидирчиво осматривал предлагаемое судно, проверяя его мореходные качества, то Лиолио и его сподвижники интересовались главным образом внутренним убранством кают и свежестью палубной окраски. Убедившись в этом, американские фирмы стали скупать старые, предназначенные на слом суда, наспех ремонтировать их, чтобы они могли выдержать еще одно далекое плавание, и, окрасив палубные надстройки в яркие цвета и убрав каюты коврами, посылать вместе с грузом для продажи на Гавайские острова. Эти суда обычно скоро приходили в негодность[63].

Как было показано выше, Лиолио и верховные вожди чисто внешне усвоили отдельные элементы западной культуры. Однако легкое обогащение в годы массового вывоза сандалового дерева, в том числе появление больших запасов спиртных напитков, способствовало моральному разложению и перерождению правящей верхушки. Лазарев сообщает, что в то время как простой народ, терпя большие лишения, трудился на заготовке сандалового дерева, вожди «вовсе ничего не делали, разве иногда, скучая праздностью, занимались играми, состоявшими в катании камней, бросании костей и в отгадывании под подушкой камня. Европейцы ввели в употребление между старшинами карты, в которые они, как мужчины, так и женщины, играют между собой беспрестанно..-. Кроме беспрерывной карточной игры, ни один сандвичанин, имеющий случай достать рому, не упустит оный, чтобы не напиться. Сам король, имеющий в изобилии сей крепкий напиток и беспрестанно покупающий виноградные вина, как нам рассказывали, не подлежит в сем исключению и часто после обеда напивается до потери чувств»[64].

В трудах участников экспедиции Васильева можно обнаружить краткие характеристики Лиолио и некоторых верховных вождей (Каауману, Каланимоку, Куакини, Поки, Каумуалии)[65]. Эти алии отличались друг от друга умственными способностями, широтой кругозора и темпераментом. Но, как видно из дневников и записей русских моряков, у членов этой правящей группировки было нечто общее: приобщаясь, пусть даже внешне, к образу жизни чужеземцев, становясь своего рода жерт-

---

[60] *Васильев,* л. 22об., 36, 69об.; *Шишмарев,* л. 119об.; *Лазарев,* с. 337; *Гиллесем,* с. 223. См. также: *Beechey F. W.* Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering's Strait... in the Years 1825, 1826, 1827, 1828, v. II, L., 1831, p. 417; *Bradley H. W.* Op. cit, p. 61—62, 69—70. Васильев (л. 133об.) отмечает, что часть приобретенных у иностранцев тканей и одежды Лиолио раздавал приближенным к нему вождям меньшего ранга.

[61] *Sahlins M.* Op. cit., p. 31,

[62] *Васильев,* л. 23.

[63] *Васильев,* л. 48об.— 49об.; *Бойль,* л. 4, боб.; *Шишмарев,* л. 111об., 192об.— 194; *Лазарев,* с. 258—259; *Гиллесем,* с. 221. См. также: *Tyerman D., Bennet G.* Op. cit., v. 1. p. 463—464; *Kuykendall R. S.* Op. cit., p. 91.

[64] *Лазарев,* с. 270.

[65] *Бойль,* л. 4, 5, Юоб.; *Шишмарев,* л. Юбоб., 114, 116, 120 об.; *Лазарев,* с. 253—254, 270; *Гиллесем,* с. 220—223.

вами западной цивилизации, они все более отгораживались от макааинана, у них притуплялось национальное самосознание, постепенно исчезало уважение к родной культуре, слабело стремление к сохранению независимости архипелага. «Роскошь, которою американцы прельщают,— писал Васильев,— ослепила их и заглушает природный добрый их нрав, способности ума и ведет, кажется, к гибельным последствиям [для] всего народа. Они видят это, но не знают, как освободиться из-под сего ига»[66].

Васильев и его спутники сообщают о начавшемся упадке вооруженных сил, созданных Камеамеа I для защиты архипелага от чужеземцев. Так, крепость в Гонолулу, построенная в последние годы жизни «Наполеона Тихого океана», в 1821 г. «хотя и имела много пушек, но некому было ими действовать»[67]. Фактически она использовалась лишь для «игралищ», которые устраивались на крепостном дворе[68]. Сам Лиолио говорил русским морякам, что его войско и флот не могут устоять против иностранцев, а годятся только против местных «возмутителей»[69].

Как указывал американец Дж. Джарвис, поселившийся на Гавайских островах в 30-х годах XIX в., богатства, полученные вождями в период сандаловой торговли, «истощились в условиях пьянства и разгула или были уничтожены вследствие небрежности»[70]. Более того, гавайские алии на многие годы попали в долговые сети, расставленные американскими скупщиками сандала[71]. Расплачиваться же за все пришлось рядовым островитянам.

Русские моряки с возмущением писали о том, что гавайские правители посылают в горы тысячи макааинана для заготовок сандалового дерева и этой тяжкой повинностью, как выразился Васильев, «истребляют народ»[72]. Дело в том, что илиаи рос высоко в горах, где климат намного холоднее, чем в прибрежных низменностях, и островитяне в их легких одеяниях жестоко страдали там от холода, заболевали и в результате нередко погибали. Да и «тяжкая работа с гор носить сандальное дерево на себе доводит их до изнурения»[73].

В этом деле имелась и другая зловещая сторона. Как подчеркивал Бойль, вследствие массовых повинностей по заготовкам .илиаи «поля часто остаются на долгое время без присмотра и обрабатывания»[74]. Как бы дополняя и обосновывая это наблюдение, Васильев вспоминает, что в апреле 1821 г. король привез в Гонолулу с о. Мауи около пяти тысяч островитян «для рубки и таски с гор сандального дерева, нисколько не пекясь, чем они должны себя содержать»[75]. А Лазарев сообщает, что когда корабли экспедиции через 8 месяцев снова пришли в Гонолулу, на заготовки сандала «послано было множество народа, поля около гавани опустели...»[76].

Регулярный отрыв многих тысяч гавайцев от их основных занятий — земледелия и рыболовства — значительно сократил продовольственные

---

[66] *Васильев,* л. 46об.

[67] *Лазарев,* с. 275. См. также: *Beechey F. W.* Op. cit, v. II, p. 431.

[68] *Васильев,* л. 42об.— 43; *Шишмарев,* л. ПО.

[69] *Васильев,* л. 43; *Лазарев,* с. 275.

[70] Цит. по: *Bradley H. W.* Op. cit., p. 70. См. также: *Kamakau S. M.* Ruling Chiefs of Hawaii. Honolulu, 1961, p. 251, 255.

[71] Ka Moolelo Hawaii. Histoire havaiienne redigee par des ĕlèves de la grande ĕcc* (de Lahainaluna), mise en ordre par un des professeurs. Paris, 1861, p. 193—199; *Тумакин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы, с. 38 —44.

[72] *Васильев,* л. 23.

[73] *Васильев,* л. 21об.; *Гиллесем,* с. 224. См. также: *Tyerman D., Bennet G.* Op. cit., v. I, p. 415; *Ellis W.* Narrative of a Tour Through Hawaii, or Owhyhee. L., 1828, p. 402—403; *Simpson G.* Narrative of a Journey Round the World, during the Years 1841 and 1842, v. II. L., 1847, p. 13.

[74] *Бойль,* л. З.

[75] *Васильев,* л. 23.

[76] *Лазарев,* с. 337. «Сандаловая лихорадка» пошла на убыль уже в 1823 г. Но массовая заготовка илиаи, становившаяся все более обременительной по мере истребления сандаловых рощ, продолжалась до начала 1840-х годов главным образом ради погашения «задолженности» гавайских вождей американским торговцам. К этому времени на островах практически не осталось больше сандала, годного для экспорта.

ресурсы островов. Между тем король и вожди не только продолжали, но и увеличивали продажу на иностранные суда продовольствия, изымаемого у макааинана, так как спрос на съестные припасы неуклонно возрастал по мере превращения Гавайских островов в главную базу американских китобоев на Тихом океане. Поэтому продовольственное положение макааинана стало весьма серьезным. Бойль писал, что рядовые островитяне «с трудом могут достать пропитание»[77]

«Народ, т. е. самый нижний класс,— подчеркивал Васильев,— в крайней бедности, беспрестанно в работе и ничего не имеет»[78]. Бедственное положение рядовых гавайцев способствовало развитию на островах проституции. К иностранным кораблям, приходившим в Гонолулу, немедленно подплывало на лодках или добиралось вплавь множество женщин[79]. Проституцией вынуждены были заниматься даже малолетние девочки. Вот характерная запись в дневнике Шишмарева: «Отец малолетних дочерей своих лет 10 или 11 предлагает за безделицу»[80]. Лазарев по этому поводу замечает, что иностранцы «вместо уклонения от сего постыдного торга, сами поддерживают оный»[81].

Развитие проституции послужило одной из причин дальнейшего распространения среди гавайцев венерических болезней, занесенных на острова еще матросами Кука. Васильев сообщает, что при здешних нравах сифилис («распространился со всею своею лютостью быстро почти по всему народу»[82].

Русские моряки не могли не заметить прогрессирующей депопуляции архипелага. Жестокая эксплуатация рядовых островитян королем и вождями, особенно в связи с «сандаловой лихорадкой», опасное развитие алкоголизма, широкое распространение сифилиса, смертоносные эпидемии, занесенные иностранными моряками,—таковы были, по мнению начальника экспедиции, основные причины быстрого вымирания гавайцев[83].

Депопуляции в какой-то мере способствовала и вербовка молодых гавайцев на иностранные суда. Они быстро становились отличными матросами, работали за пищу и одежду, не получая, как правило, никакой денежной оплаты[84]. Бесправные и угнетенные на островах, некоторые макааинана не стремились вернуться в родные места и добровольно начинали полную лишений и опасностей жизнь морских скитальцев[85]. Однако имеются сведения о том, что «бостонцы» порой не гнушались продавать завербованных или похищенных ими гавайцев в рабство на северо-западном побережье Америки, получая за них шкурки морских бобров, либо попросту оставляли их там, если надобность в них отпадала. «Иные из американцев, сказывали нам, были столь бесчеловечны,— писал Васильев,— что для своих выгод продавали этих добрых сандвичан колошам (тлинкитам.—*Д. Т.)* для жертвоприношений»[86]. О том же ранее сообщал участник первой русской кругосветной экспедиции Ф. И. Шемелин[87].

В дневниках и записях Васильева и его спутников довольно часто мелькают имена американских капитанов и торговцев, с которыми русские моряки познакомились в Гонолулу (Томас и Джон Мик, Джон Эббетс, Уильям Дэвис, Джон Джонс, Томас Браун и др.), встречаются

---

[77] *Бойль,* л. 3об. См. также *Ту Маркин Д.* Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, с. 38—43.

[78] *Васильев,* л. 23.

[79] *Шишмарев,* л. 109; *Гиллесем,* с. 220—221. См. также *ТуМаркин Д. Д.* Материалы первой русской кругосветной экспедиции..., с. 82.

[80] *Шишмарев, л.* Юбоб.

[81] *Лазарев,* с. 271.

[82] *Васильев,* л. 18об.

[83] *Васильев,* л. 18—23.

[84] *Васильев,* л. 25; *Шишмарев,* л. 120 об.—121.

[85] *Cheever H. T.* The Island World of the Pacific. N. Y., 1855, p. 396; *Kamakau S. M.* Op.cit.,p.404.

[86] *Васильев,* л. 27.

[87] *Тумаркин Д. Д.* Материалы первой русской кругосветной экспедиции.., с. 83.

некоторые сведения о бытовой стороне жизни «бостонцев» на островах. Так, Васильев и Шишмарев пишут о том, что «хозяева судов и их агенты, прибывши на Вагу (Оаху.—Д. 7\), живут большею частию на берегу, строят себе такие же шалаши, как и коренные жители», только обычно отделяют в них «спальню от рабочей комнаты» и устраивают окна со ставнями, поднимающимися кверху[88]. Шишмарев, рассказывая, что американцы, подолгу живущие на Гавайских островах, заводят туземных жен, обзаводятся детьми, сообщает отдельные любопытные детали о таких семействах[89]. От внимания Васильева не укрылось появление в Гонолулу первой постоянной розничной лавки, хозяин которой особенно бойко торговал ромом[90].

Наряду с «бостонцами», участвующими в сандаловом бизнесе, русские моряки встречались в Гонолулу с капитанами американских китобойных судов. Среди них был Джозеф Аллен из Нантакета, капитан «Маро», первый обнаруживший в 1820 г. большие, стада кашалотов к востоку от Японии. Он подробно рассказал Лазареву об организации американского китобойного промысла на Тихом океане[91].

Васильев и его офицеры осуждали «бостонцев» за то, что те сбывают гавайской знати массу ненужных ей товаров и тем самым способствуют усилению эксплуатации рядовых островитян, отмечали, что эти капитаны й торговцы сознательно спаивают короля и вождей[92]. С явным неодобрением рассказывали участники экспедиции и о том, что американцы стремятся «воспрепятствовать всеми силами самим сандвичанам на судах ходить и учиться мореплаванию», срывают попытки Лиолио наладить самостоятельную торговлю с Камчаткой[93]. Но главный огонь своей критики Васильев и его спутники направили на белых советников короля и верховных вождей из числа матросов, дезертировавших с торговых судов, беглых каторжников и всякого рода авантюристов, которые не только не уберегали гавайскую знать от необдуманных поступков, но и развращали и обманывали ее, действуя заодно со скупщиками сандала.

«К числу зол, европейцами добрым сандвичанам сообщенных, — писал Васильев,— главное есть то, что поселились между ними жить самые негодные люди, беглые из Ботани-бея, случайно отставшие от судов в дурной нравственности и согнанные от шкиперов матросы развратного поведения». Васильев добавлял, что этих «негодяев» он видел «между старшинами, королем и их женами как самых приближенных к ним людей»[94]. «Они в глазах короля весьма кажутся приверженными,— записал в своем дневнике Шишмарев об этих советчиках и «друзьях» Лиолио,— но в случае всегда готовы обмануть его»[95].

Особенно вредное влияние на молодого короля оказывали француз Жан Ривэ и испанец Франсиско де Паула Марин. Отмечая успешные опыты Марина по выращиванию на Гавайских островах европейских продовольственных культур (что приносило ему немалый доход), Васильев и Шишмарев вместе с тем крайне отрицательно отозвались об этом иностранном поселенце. Так, Васильев писал, что своих многочис-

---

[88] *Васильев,* л. 23 об.; *Шишмарев,* л. 119, 189. Лишь для Дж. Джонса, назначенного консульским агентом США на Гавайских островах, в конце 1821 г. строился деревянный дом *(Шишмарев,* л. 119об.). Лазарев сообщает, что Джонс «оставался в полном бездействии, ибо королю неизвестно было значение слова консул, и только торговал в компании с Броуном» *(Лазарев,* с. 337).

[89] *Шишмарев,* л. Пбоб.—117, 119.

[90] *Васильев,* л. 24об.— 25.

[91] *Лазарев,* с. 254, 264—266. В те годы японские порты были недоступны для иностранных судов в связи с политикой изоляции, проводимой сегунами династии Токугава. Поэтому китобои, промышлявшие вблизи от берегов Японии, избрали своей основной базой Гавайские острова. См. *Stewart C. S.* A Visit to the South Seas in the U. S. Ship Vincennes during the Years 1829 and 1830. L., 1833, p. 366—367.

[92] *Васильев,* л. 22 об,— 23; *Лазарев,* с. 253.

[93] *Васильев,* л. 45, 65—66; *Шишмарев,* л. 188об.

[94] *Васильев,* л. 19. Ботани-бей — бухта на восточном побережье Австралии (в окрестностях нынешнего Сиднея), сделанная в конце XVIII в. английским правительством местом ссылки преступников.

[95] *Шишмарев,* л. 115—115об. См. также *Бойль,* л. 4об.— 5; *Лазарев,* с. 263.

ленных дочерей, прижитых от туземных жен, этот испанец «раздает шкиперам на содержание, живет скаредно, жаден к интересу до чрезвычайности... и во всех поступках оказывает себя человеком низких свойств»[96].

Что же касается Ривэ, то этот бывший матрос выдавал себя за врача, хотя был совершенно невежественным в медицине. Искусно использовав слабости Лиолио, он сумел стать его переводчиком и секретарем и от имени короля заключал различные сделки с американскими купцами, получая от них солидные «благодарности». В частности, Васильев узнал, что именно этот «мастер ставить наружные проносные» был повинен в том, что «бостонцам» удалось навязать королю старый бриг «Таддеус». Это судно имело настолько сильные повреждения «в подводной части у киля, бывши на мели в реке Колумбия», что на нем было опасно совершать даже небольшие переходы[97].

«Должность министра финансов исправляли испанец Марини и француз Ривес, которые обманывали короля как могли,— вспоминает Гиллесем.— Им это было весьма легко, потому что учитывать некому, а о правильном расходе и приходе в хозяйстве и думать нельзя. Марини занимался продажею сандального дерева и соли, отдавая королю сколько ему вздумается. Чтоб купцы не открыли его плутней он делился с ними. Ривес был, так сказать, государственным казначеем. Плутуя заодно с Марини, он показывал менее прихода, чем действительно было». Гиллесем добавляет, что островитяне ненавидели Ривэ и «несколько раз, во время нашего пребывания на острове, сжигали его шалаш, чем изъявляли свое негодование против него»[98].

Среди иностранцев, поселившихся в Гонолулу и посещавших его по торговым делам, наблюдалось острое соперничество, часто происходили ссоры и дрязги. Рассказывая о них, Васильев отмечал, что «один на другого наговаривает, чтобы войти в доверенность» ". Однако почти все эти иностранцы — от «солидных» капитанов и торговцев до последних бродяг и пропойц — фактически выступали единым фронтом против еще одной группы хаоле — американских миссионеров. «Они находили для себя выгодным,— поясняет Гиллесем,— чтобы жители этих островов оставались в невежестве, боясь, что учение миссионеров исправит нравственность этого народа, особенно женщин, ведших довольно развратную жизнь, и что тогда им невозможно будет более удовлетворять своим страстям: сластолюбию и жадности обогатиться посредством обмана»[100]. А Васильев, отвечая на вопрос, почему «европейцам некоторым, как то Марину, Бакли и другим, и американским купцам не понравились миссионеры», особо подчеркнул, что эти иностранцы видели в церковниках-янки опасных соперников: «вообще жизнь честного человека им не нравится, а миссионеры хотят похитить у них жертву из рук»[101].

Участники экспедиции обнаружили, что миссионеры находились в условиях почти полной изоляции. «Все взрослые и особенно вельможи,— вспоминает Гиллесем,— следуя примеру своего правителя, чуждались миссионеров и не хотели принять не только христианской веры, но и никаких наставлений»[102]. Да и сам фактический глава миссии Хайрем Бингхем в письме Васильеву жаловался на крайне тяжелые условия ее деятельности и подчеркивал, что «пороки все еще господствуют в этой нечестивой стране, где мы сталкиваемся с массой невежества, предрассудков и суеверий... как среди туземцев, так и среди иностранцев»[103].

Васильев и его спутники рассказывают, что на первых порах миссионеры пытались проповедовать христианство на своем родном языке, ис-

---

[96] *Васильев,* л. 43об.— 44. См. также *Шишмарев,* л. 115—115об., 122об.
[97] *Васильев,* л. 44об.
[98] *Гиллесем,* с. 224. См. также *Шишмарев,* л. 119.
[99] *Васильев,* л. 4боб. См. также *Шишмарев,* л. 15.
[100] *Гиллесем,* с. 220.
[101] *Васильев,* л. 61.
[102] *Гиллесем,* с. 220.
[103] *Бингхем* — Васильеву, 15 апреля 1821 г.— ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 116, л. 4—4об.

пользуя в качестве переводчиков трех привезенных из США гавайских юношей, которые прошли там специальную подготовку в миссионерской школе. Результаты такой прозелитической деятельности фактически •были равны нулю. Одновременно члены миссии с помощью тех же переводчиков начали обучать несколько десятков гавайцев (взрослых и детей) английскому языку, используя в качестве учебных пособий Библию *ш* Катехизис. «Даже сам король начал было ходить в оную (школу.— *Д. Т.)* для обучения английскому языку,—пишет Лазарев,— но как сие •скоро ему наскучило, то и прислал вместо себя двух человек, которые последовали также его примеру и через несколько дней перестали посещать школу»[104]. В декабре 1821 г. в «школу» ходило, лишь 15 человек, преимущественно «дети обоего пола, прижитые европейцами с сандвичанками»[105], и ее пришлось вскоре закрыть[106].

Обдумав причины своих неудач, миссионеры решили взяться за дело с другого конца: овладеть гавайским языком, создать для островитян письменность, перевести на местный язык богослужебные книги и научить «язычников» их читать, В декабре 1821 г. русские мореплаватели наблюдали первые шаги, предпринимавшиеся в этом направлении. Васильев и Лазарев сообщают, что Бингхем и другие члены миссии усиленно изучали гавайский язык, спешно разрабатывали для него азбуку и уже начали готовить к печати букварь[107]. «Бингам просил еще нашего живописца изготовить ему начальные рисунки для детей, что Карнеев (Корнеев, —*Д.* Г.), с позволения начальника экспедиции, сделал отлично хорошо»[108]. Эти рисунки были, по-видимому, использованы в первых миссионерских публикациях на гавайском языке[109].

Лазарев оставил хвалебный отзыв о Бингхеме, подчеркнув его сдержанность, кротость и смирение[110]. Но когда в 1824—1825 гг., после смерти Лиолио, Кааумана и другие верховные вожди по политическим соображениям решили вступить в союз с американскими миссионерами и навязать гавайскому народу новую систему табу, на сей раз пуританские запреты, Бингхем показал свое подлинное лицо. О. Е. Коцебу, снова посетив Гавайские острова в сентябре 1825 г., обнаружил, что этот кальвинистский священнослужитель, «околдовавший» Кааумана, стал фактическим правителем архипелага[111].

В нашей статье мы, разумеется, не смогли дать полный и всесторонний обзор материалов кругосветной экспедиции Васильева, касающихся Гавайских островов. Но и сказанное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что труды ее участников в совокупности составляют ценный источник для изучения как самобытной истории гавайцев, так и особенно истории культурных изменений и межкультурных контактов на этом полинезийском архипелаге.

В своей книге «Истоки этнографической науки» С. А. Токарев справедливо отметил большой вклад в этнографическое изучение народов Океании, который внесли русские кругосветные экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, Ф. П. Литке[112]. В этот перечень, несомненно, следует включить и экспедицию М. Н. Васильева.

---

[104] *Лазарев,* с. 262. См. также *Шишмарев,* л. 190.

[105] *Лазарев,* с. 262—263. См. также *Васильев,* л. 60об.—61об.; *Шишмарев,* л. 190.

[106] *Bradley H. W.* Op. cit., p. 131—132.

[107] *Васильев,* л. 63; *Лазарев,* с. 263.

[108] *Лазарев,* с. 263. В январе 1822 г. типограф Э. Лумис, входивший в состав миссии, напечатал маленькую брошюру, которая должна была служить букварем *(Bradley H. W.* Op. cit., p. 134—135).

[109] В одной из книг по истории Гавайских островов *(Kuykendall R. S., Gregory H. E.* A History of Hawaii. N. Y., 1927, p. 132) опубликована фотокопия страницы первой брошюры, выпущенной миссионерами для юных гавайцев. По мнению искусствоведа Н. Н. Гончаровой, изучающей творчество Корнеева, помещенные здесь рисунки выполнены этим художником (личное сообщение Н. Н. Гончаровой).

[110] *Лазарев,* с. 263.

[111] *Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. Пер. с нем., предисловие и комментарии Д. Д. Тумаркина. М.: Наука, 1981, с. 289—290.

[112] *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. М.: Наука, 1978, с. 145.